Расул ГАМЗАТОВ:

НАСТУПИЛО ВРЕМЯ ШАРЛАТАНА

такое горе. Как можно бомбить город, где живут мирные люди? До цивилизованности нам еще далеко.

— Как вы восприняли возвращение религии в общество? В Дагестане это особенно видно...

— Я всегда уважал религию. Я в религиозной семье вырос. Мой отец был арабистом, председателем шариатского суда, народным поэтом. Он молился всю жизнь за закрытыми дверями. Религия у нас в большом почете, и есть за что уважать. Но некоторые религиозные деятели сейчас молятся деньгам вместо Бога. Таких всегда высмеивала литература. Я встречался с Путиным, разговаривал. Я сказал ему, что у меня складывается такое впечатление, что религия теперь присоединилась к государству, а литература и культура от государства отделены.

Когда культура была присоединена к государству, для нее это тоже не было хорошо. Сейчас культурные и духовные ценности подменяют деньги и власть. Все борются за власть. Власть тяжело взять, но можно. Она подчиняет себе все, но контролировать власть никто не может.

— В Дагестане скоро выборы. Кто властью здесь владеет — власть в надежных руках?

— Я сам руководитель и имею власть, поэтому могу сказать о себе. Я 52 года председатель Союза писателей в Дагестане. Меня выбирают не потому, что я хороший, а потому, что боятся, что хуже придет.

— Как понять, что Дагестан — самая религиозная часть России...

— Больше всего мечетей!

— Да, 1600 на 2 миллиона человек, и при этом голосует за коммунистов — почему?

— Потому что при коммунистах лучше жили. Потому что народ получал образование, ликвидировали безграмотность, а теперь к ней вернулись. Деньги сейчас играют главную роль...

— Но ведь и учебных заведений в Дагестане стало больше?

— Но при этом надо много платить — за прием, не за учебу.

— Разве в советское время не платили?

— Очень редко. Учиться заставляли и образование давали. Работа была. Думаю, что за коммунистов голосуют потому, что был порядок. Люди любят порядок, а теперь больше несправедливости, открытой, циничной. Тогда все-таки закона боялись, а теперь — открытое беззаконие. Раньше человек был под контролем — не столько партии, но под контролем народа. Из какого бы аула он ни был! То, что раньше было позором, теперь стало героизмом.

— Мусульманам больше подходит коммунизм, чем либеральное общество?

— Я написал поэму о трех женах и попытался отразить в ней эпохи, в которых мы жили и живем. Первая жена оказалась очень строгой. Умерла. Вторую взял за красоту — оказалась легкомысленной проституткой. Надо искать третью — чтобы была умной, красивой и доброй. Надоели и те, и другие. Но когда увидишь третью жену, вспоминаешь первую и думаешь, что была лучше всех. Так человеку кажется. Мы выбираем депутатов, но они же просто бессовестные, организуют себе зарплаты — это их забота, а не народ. Поэтому люди вспоминают коммунистическое время.

— Вы с надеждой смотрите на происходящее?

— Я — большой пессимист и уважаю пессимистов. Мы много страдали от оптимистов. Эти телефонные поцелуи и митинговая любовь... от этого детей не бывает. Сейчас воюют молодые — с большим оптимизмом. Старики, по-моему, жалеют об этом. Я рад, что я никого не убивал.

— Вы были в Мекке?

— Три раза. Я был в Саудовской Аравии по приглашению короля еще тогда, когда у СССР не было дипломатических отношений с этой страной. Я был в Эмиратах, сестра эмира оказалась моей поклонницей и сделала мне приглашение в Саудовскую Аравию. Тогда они были удивлены, что я купил Кораны для дагестанцев. Я принимал участие в первом заседании по установлению дипломатических отношений.

— Вы соблюдаете все, что требует ислам?

— Нет. Моя дочь звонит и проверяет, молился ли я.

— А что из требований ислама вам кажется самым важным: вера, хадж, милостыня, молитва?

— Я думаю, что вера в единого Бога — это главное.

— О чем вы сожалеете?

— Я сожалею о том, что дал себя обмануть. Торопился судить о многом, к чему не был подготовлен. Мне было 23 года в 47-м году, и я выступил на митинге с осуждением Ахматовой и Зощенко. Меня отец спросил: «Ты их читал?» Я ответил: «Не читал». «А что тебе тогда надо?» — сказал он.

— Вы когда-нибудь думали: чем человеку, пережившему советское время, оправдаться на Страшном суде?

— Человек волен совершать хорошие или плохие поступки в любое время и при любом строе. Даже в самой благоприятной обстановке подлец совершает подлость. Честный же человек остается таковым, невзирая на обстоятельства. Что касается меня, то в рай мне попасть, наверное, нельзя. В ад тоже не хочется. Может быть, мне найдут какой-нибудь промежуток между ними? Хотя середины там и нет. А в жизни можно искать золотую середину, признавать человека со всеми его недостатками. Недостатки нельзя путать с подлостью. Из советского времени не нужно делать пугало, оно ушло вместе со всем плохим и хорошим, что в нем было. А подлость не исчезла, как не исчезла и честь. Мы все спутали. Надо помнить, что страна — это не то же самое, что государство, а Родина — не то же, что страна. Увы, за плохим в нашей жизни в последнее время чаще всего не наступает ничего хорошего. Так что я пессимист и в этой жизни, и в той.

— Расул Гамзатович, что вы сейчас пишете?

— Я пишу поэму «Дороги и время». Мы часто дороги меняли — ленинский путь, сталинский, ельцинский... Но нельзя менять Божью дорогу. Сейчас пишу главу о моей жене. О жизни, смерти, молодости, старости. Раньше в литературе поднимались такие большие темы — война и мир, преступление и наказание, отцы и дети, былое и думы. Русская литература спрашивала: а судьи кто, кто виноват, что делать, что день грядущий нам готовит. А я писал о любви к женщине.

— Но ведь и «Журавли» были написаны?

— «Журавли» — это не столько литературное явление, сколько жизненное. Это прежде всего символ нашей памяти о погибших. Сейчас в мире около 30 памятников по мотивам «Журавлей». Я просто попал в болевую точку этим стихотворением. И оно стало песней. Мне очень повезло с переводчиком — Гребневым. У меня были «джигиты», а он сделал «солдаты». И этот образ стал близок всем.

— А кто сейчас вас переводит?

— Никто. Старая переводческая школа закончилась. Если бы ее не было, то не было бы Кайсына Кулиева, Мустая Карима, Давида Кугультинова, меня не было бы тоже. По-русски я писать не умею. Раньше, в молодости, писал доклады. У меня были прекрасные переводчики — Сергей Городецкий, Илья Сельвинский, они мои плохие стихи переводили хорошо.

— А с кем из писателей вы сейчас поддерживаете отношения?

— С Сергеем Михалковым, каждую неделю звоним друг другу.

— Вам понравилась новая редакция гимна России?

— Я не читал новых слов. Такой охоты у меня не появилось. А мелодия хорошая. Старое не должно обязательно заменяться новым. Хорошо, что возвращен Бунин, но это не значит, что мы должны забыть Горького. Коран — это книга тысячелетия, ни одной буквы не изменено. А гимны и поэзия меняются, как погода.

— Вас не приглашали в конкурс на гимн?

— Когда-то я написал о Дагестане: «Посвящу тебе звонкие гимны, и слова, превращенные в стих». Меня просили написать гимн Дагестана. Но в этом жанре, увы, нет места для поэзии.

— Есть для вас вопросы, на которые вы ответы так и не нашли?

— Есть. Мы надеялись, что будет демократия, исчезнет цензура и литература станет хорошей. Цензура исчезла, но почему не появилось ни одной значимой вещи — песни, поэмы, повести, романа, ни одного нового имени? Почему все уехали? Евтушенко, Коржавин почему живут на Западе? Почему такое повальное бегство? Может быть, я со своими ослепшими глазами делаю неправильные выводы? Ничего того, что бы меня взбудоражило в современной литературе, я не нашел. Поиски есть, находок нет.

— Вы считаете, что великие ушли?

— Надо быть не великим, а взрослым. Надо отвечать за слово и страну. Мне кажется, теперь время шарлатанов. И налетчиков. Шарлатану не надо ни за что отвечать. Ни в литературе, ни в жизни. Если бы я знал, почему это происходит, я бы написал. Вы там в центре сидите — может, вы знаете?

— Мы там ничего не видим. Живем на равнине и в суете.

Жаль, мы только начали говорить... А на хороший разговор нужно два дня, не меньше.

● Вопросы задавала Надежда КЕВОРКОВА
Фото ИТАР-ТАСС

> Надо быть не великим, а взрослым, отвечать за слово и страну

> Коран — это книга тысячелетия, а гимны и поэзия меняются, как погода

> Страна — это не то же самое, что государство, а Родина — не то же, что страна